

УДК 811.352.3:81'42

ББК 81.602

С 19

Сапиева С.К.

Кандидат филологических наук, ассистент кафедры русского языка как иностранного международного факультета Адыгейского государственного университета, e-mail: atika16@yandex.ru

**Адыгство как вариант кавказскости и особенности
его экспликации в художественном дискурсе**
(Рецензирована)

Аннотация:

Описывается и анализируется концепция национального сознания, отраженная в понятиях «кавказская ментальность» – «кавказскость» и «адыгская ментальность» – «адыгство». Основной целью является исследование единиц в художественном гипертексте писателя Гария Немченко, эксплицирующих адыгство (адыгагъэ) как составную часть кавказскости. Исследование дает возможность популяризировать морально-нравственные ценности адыгского народа в контексте ослабления этнического самосознания в условиях современности, а также использовать его результаты для решения дальнейших теоретических задач в области когнитивной лингвистики, психолингвистики и лингвокультурологии. Метод контекстуального анализа текста и методика выделения ключевых единиц позволяют выявить языковые средства, формирующие когнитивное пространство *адыгагъэ* в художественной картине мира писателя, которые выступают как вербализаторы кавказской ментальности в целом и адыгской – в частности, и определяют данный феномен как сложное этноментальное концептуальное образование с присущими ему доминантными признаками.

Ключевые слова:

Ментальность, этнос, этика, кавказскость, адыгство, картина мира, когнитивные признаки.

Sapieva S.K.

Candidate of Philology, Lector's Assistant of Department of Russian as Foreign Language at International Faculty of the Adyghe State University, e-mail: atika16@yandex.ru

**Adygstvo as variant of Kavkazskost and features
of its explication in art discourse**

Abstract:

The paper describes and analyzes the concept of national consciousness reflected in the concepts of «Caucasian mentality» - «Kavkazskost» and «the Adyghe mentality» – «adygstvo». The main objective of this research is to investigate units in the art hypertext of the writer Gariy Nemchenko, explicating an adygstvo (адыгагъэ) as a kavkazskost component. The research gives the chance to popularize moral values of the Adyghe people in the context of easing ethnic consciousness in the conditions of the present, as well as

to use its results to solve further theoretical tasks in the field of cognitive linguistics, psycholinguistics and cultural linguistics. The method of the contextual analysis of the text and technique of allocation of key units allow us to reveal the language means forming cognitive space adygage in an art picture of the world of the writer which act as verbalizers of the Caucasian mentality in general and the Adyghe – in particular, and define this phenomenon as complicated ethnomental conceptual unit with dominant signs inherent in it.

Keywords:

Mentality, ethnos, ethics, Kavkazskost, Adygstvo, world picture, cognitive signs.

Важнейшим элементом духовной и материальной культуры любого народа являются присущие ему традиционные нормы поведения и общежития. Наиболее значимыми среди них для народов Кавказа, например, являются своеобразные так называемые неписанные традиционные правила жизни, кодексы чести, во многом совпадающие между собой в силу существования в сходных условиях.

Так как у Г.Л. Немченко часто персонажами являются черкесы, то их «кавказскость» эксплицируется через понятие «адыгэ хабзэ» ‘адыгский закон’, соответствовать которым означает ‘быть адыгом’ – *адыгагъэ пхъэльын фае*.

«Понятие это весьма широкое по объему и глубокое по содержанию», – писал еще в 1957 г. Ю.К. Намиток, стоявший у истоков зарождения новой науки этнопедагогике, впервые обратившись к воспитательной роли поговорок и пословиц родного языка. По его мнению, *адыгагъэ* (= «адыгственность», «адыгство» в авторском тексте – С.С.) означает совокупность лучших нравственных качеств человека (трудолюбие, мужество, храбрость, гуманность, скромность, вежливость, гостеприимство, уважение к старшим, культура речи, культура поведения, чувство долга и чести и др.)» [1: 34].

В настоящее время к этим 12-ти составляющим современные ученые добавили еще многие другие компоненты, входящие в состав данного культурно-психологического феномена адыгов и, очевидно, в какой-то мере совпадающе-

го с ментальностью других кавказских этносов, формирующим так называемую кавказскую ментальность или кавказскость. И хотя это понятие считается некоторыми достаточно широким и спорным – ввиду уникальной многоликости многоязычного Кавказа, однако «кавказскость» как однословный синоним актуальной проблемы о существовании и сущности этнонациональной и геополитической идентичности Кавказа [2: 66-75], нам представляется приемлемым термином для нашего исследования.

Итак, если «ментальность – мирозерцание в категориях и формах родного языка, в процессе познания соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [3: 13], то тогда кавказская ментальность (кавказскость) – мирозерцание в категориях и формах родных языков суперэтнического кавказского сообщества [4: 143], в процессе познания соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях и в целом присущее данным этносам «проявление неких общих глубинных представлений о мире» [3: 15], сложившихся исторически на базе традиционной культуры и бытия в одних и тех же условиях.

В текстах Гария Немченко кавказская ментальность представлена своеобразно, сквозь призму тех когнитивных признаков знания, которые известны писателю как философу-мыслителю

и как русскому «человеку с кавказским акцентом», приобретенным его предками-казаками на общей земле. Это позволяет писателю с присущими ему индивидуально-авторскими представлениями и ценностно-смысловыми признаками через опыт своей собственной жизни, сквозь призму истории и современные вызовы времени говорить о роли Кавказа в судьбе России.

Обратимся к следующим когнитивным признакам, эксплицирующим концепт *Кавказ* в художественной картине мира писателя.

В первую очередь – к такому доминантному компоненту, репрезентирующему концепт *Кавказ* в творчестве Г.Л. Немченко, как *адыгагъэ* (*адыгство*), или *адыгъэ хабзэ* (*закон // кодекс адыгства*) как вариант кавказскости. Причиной этому является та огромная смысловая нагрузка, которую несет в себе данный феномен в художественном мире писателя.

Следует сразу отметить, что лексического эквивалента к слову *адыгагъэ* в русском языке нет. По определению лингвистов, «это тонкая материя, трудно поддающаяся описанию, определению, анализу» [5: 6], но содержательно, согласно значению деривационной модели <наличие того признака, что названо в мотивирующей основе прилагательного>, терминологически оно соотносится с понятиями русскость и армянскость.

Но слово *адыгагъэ* (наиболее частотный эквивалент этого понятия в русском языке – адыгство, термин, вошедший в научный обиход в 70-х г. прошлого века) выражает не только систему этических норм человека и особенности традиционной культуры адыгского народа, оно есть «духовно-исторический феномен культуры», ключевое понятие, «на котором строится сложная концепция национального сознания и самосознания

адыгов» [6: 76; курсив наш – прим. С.С.] концепция, «говорящая» о том, что было, о том, что есть, о том, что будет» [5: 14]. По мнению М.П. Ахиджаковой, «во взаимодействии с другими этноспроизводящими механизмами адыгство постоянно создает и воссоздает ментальную реальность адыгской жизни, адыгскую психологию и цивилизацию, осуществляет контроль за тем, как соотносится реальное бытие с правильным, идеальным бытием» [7: 154].

Р.А. Ханаху при анализе традиционной культуры Северного Кавказа, касаясь соотношения традиционности и современности, выделяет 4 комплекса разных признаков жизненного проявления традиционной культуры горцев Северного Кавказа, соответственно сформировавших особенности этой культуры, имеющих, безусловно, многовариантность своего проявления в каждом кавказском этносе, объединяемых неслучайно общностью горной территории и исторических судеб.

Опираясь на данную парадигму когнитивных признаков, мы наложили ее на художественный гипертекст писателя и выявили особенности авторской репрезентации кавказскости в творчестве Г.Л. Немченко.

Так, конструирующими частями традиционной культуры горцев, сложившейся в условиях традиционного общества, выступающими в определённой мере до сих пор своеобразными регуляторами ее развития, являются, согласно его классификации, «воинский», «гостеприимный», «возрастной» и «семейно-брачный» культурные комплексы [8: 34-37]. Соотнося данное утверждение с материалом нашего исследования, представим эти типы комплексов когнитивных признаков традиционной культуры и их репрезентаций в текстах писателя в следующей таблице:

Типы комплексов когнитивных признаков кавказской традиционной культуры и их репрезентация в текстах писателя

тип комплекса	репрезентация	
	невербальная	вербальная
1. <i>Воинский стиль жизни горцев</i>	<p>Знаковая фигура горца; черкеска-мужская спец. одежда для походов; газыри; культ коня; холодное оружие; наборный пояс; джигитство; походная еда (<i>гомьль</i>).</p>	<p><i>В отличие от младшего, Ирбек сухощав и жилист, и, глядя на его классически стройную и такую гибкую, несмотря на сорок семь лет, фигуру, другой раз не без улыбки думал о том, что она, и правда, могла бы послужить идеальным доказательством истины, которую любят повторять на Кавказе: мужчина тогда джигит, если под ним, лежащим на боку, пролезет взрослая кошка</i> [9: 22].</p>
2. <i>Гостеприимный</i>	<p><i>Хачец</i> - дом для гостей; визит к гостю уважаемых лиц селения, ответственность хозяина за гостя; застолье; культ тамалы.</p>	<p><i>И вот дорогой гость сидит за столиком-треногой – традиционным анэ. По обеим сторонам от него Мурад и отец в черкеске и в папахе, чуть неподалеку – другие гости, а по обе стороны двери замерли двое мальчишек, по первому жесту готовые услужить старшим...</i> [9: 198].</p>
3. <i>Возрастной</i>	<p>Культ старшего, ритуал вставания при встрече и прощании; <i>хагрейство</i> – сопровождение; место за столом; участие в разговоре.</p>	<p><i>Старых на Кавказе никогда не было, - объяснил Ирбек. – Были только старшие и старейшие, понимаешь? И раньше это было в порядке вещей: учиться у них</i> [Н. Счастливая черкеска: 60]. <i>Это было уже перед самым так называемым «осетино-ингушским конфликтом», и один из выступавших горько сказал: «Ингуши часто прерывают переговоры. Говорят: мы хотим посоветоваться со стариками»...</i>[9: 14].</p>
4. <i>Семейно-брачный</i>	<p>Муж-глава семьи, кормилец; культ родителей и рода; жена-хозяйка и мать; институт аталычества.</p>	<p><i>Кроме кадетских училищ и горских школ, в которых тут и там непременно вместе обучались бы «дети разных народов», кроме возрождения на добровольной основе старинных институтов «побратимства», «куначества» и «аталычества-канства», чего только не предложил я Виктору Германовичу: «наладить», «открыть», «создать», «учредить»</i> [11: 148].</p>

Это свидетельствует не только о разбросе подходов к разработке определений цивилизации, но и об их нечеткости, неструктурированности и некой зыбкости.

Писатель прекрасно понимает, что без глубокого знания национальной этики морально-этического кодекса, прямо предписывающего строго определенные образцы поведения, невозможно представить культуру того или иного народа, и,

обладая этим знанием, он в максимальной степени и главное – реалистично, стремится показать ту особенную горскую культуру, «пропитанную» безукоризненным рыцарским духом: у адыгов – это адыгство, у осетин, балкарцев и карачаевцев – это *намыс* (честь), у абхазов – *ансуара* (абхазство), у грузин – *картвелоба* (грузинство), у чеченцев – *нохчалла* (чеченство), а в целом, очевидно, – это все-

таки нечто общее – кавказскость.

Отметим и то, что главный признак «кодекса поведения» этноса называется у каждого народа по самоназванию этноса, т.е. по своему этнониму, не случайно отражающему в номинации когнитивный признак общей национальной идентичности. Эта общность при конкретном разграничении понятна Г. Немченко-писателю, признающему важность самооценки каждого этноса, их чувство самодостаточности и самоуважения:

Но не только корсет был тогда крепок у черкесских невест: незыблемые правила «адыге хабзе» – кодекса чести, прививаемые с самого нежного возраста, общались и тот самый высокий дух «человечности, известный как «адыгагэ», и чуткий, вроде нынешнего радара, характер, чтобы подстроиться под нрав суженого...» [10: 295].

Итак, в соответствии с ориентацией на разные типы комплексов когнитивных признаков кавказскости, понятие «адыгство» в текстах Г. Немченко эксплицируются своеобразно и включает в себя следующие когнитивные признаки:

1. Отражающие **мужское начало в горце** – презрение к смерти, мужество, стойкость, самоотверженность, верность слову:

Кодекс чести очень высоко держит духовную планку, она, верхняя – как бы идеал, к которому должен настоящий джигит, настоящий рыцарь стремиться, и другое дело, как кому это удается [11: 13].

Прошло уже около двух десятков лет – может быть, теперь я не узнал бы Магомеда в толпе... Но ощущение острого и глубокого ума, удивительной доброжелательности и природного изящества до сих пор живы в памяти... [9: 80].

2. Эксплицирующие **кавказское гостеприимство**, которое считается одной из самых священных для горцев традиций. Недаром кавказский народ славится как один из гостеприимнейших народов в мире. Русские писатели и путешествен-

ники, повествуя о Кавказе, с особым вниманием и интересом затрагивали эту тему. Так и Г.Л. Немченко в своих работах не обходит ее стороной, более того, часто акцентирует на ней внимание, преследуя две цели: во-первых, просвещение читателей о незыблемых важнейших горских ценностях, и, во-вторых, представление гостеприимства как одного из существенных компонентов кавказской ментальности:

Великое дело этот кавказский обычай гостеприимства! Ютился Борис пока у друзей, и в комнате, совмещенной с застекленную лоджией, <...>, стол нам служила узкая и длинная гладильная доска, но чего только на ней не было! Среди пышной зелени и долежавших до первого снега овощей абхазская фасоль-лоби делила место с адыгейским четлибжем и сухумская чача соседствовала с бахсымэ – крепким кукурузным пивом, привезенным из родного аула Уляп. Чинно выпили за знакомство, но дух над щедрым нашим столом установился такой братский, как будто один другого знали уже сто лет [11: 361].

3. Вербализующие такие важные этнические элементы адыгской культуры, как **почитание и уважение старших**. Почитание старших в адыгском этикете всегда занимало очень важное место: только уважая старших, можно было самому достичь почета и уважения в обществе:

Как настоящий кавказец, Казик старшему подчинялся, но ночью, ткнувшись в подушку, скрипел зубами и молча глотал слезы [9: 48].

4. Представляющие социально-значимый **институт аталычества**. Порядок отдачи детей на воспитание в другую семью у адыгов назывался аталычеством, где воспитатель – аталык (< тюрск. ата «отец, старший, родитель») учил своего подопечного – кана (< тюрск. кан «воспитанник») общественным нормам поведения, традиционным обычаям и порядкам, нравственным законам, этикету, вероисповеданию, присущему его народу. В

своих рассказах писатель искренне сетует об исчезновении этого обычая, которое сегодня, как никогда, по его мнению, необходимо всем нам, особенно подрастающему поколению:

Поглядывая на них двоих, я иногда с невольной печалью размышлял: и впрямь жаль, что нет уже нынче этого обычая – отдавать мальчика на воспитание опытному джигиту-аталыку. Когда-то на Кавказе эта была одна из самых славных традиций, которая объединяла не только разные семьи и разные фамилии, но и разные народы [9: 60].

Подводя итоги, необходимо отметить, что глубокие знания писателем языка и духовно-культурной жизни адыгов

позволяют нам прийти к выводу, что *адыггагъэ* «адыгство» как вариант кавказскости в его творческом мире предстает как многокомпонентный конструкт, фиксирующий глубинные когнитивные понятия адыгской ментальности. Художественные тексты писателя показательны тем, что они, выполняя функцию транслятора культурных смыслов, не только воссоздают реальный мир адыгов, но и репрезентируют ментальность самого автора как определенного носителя адыгского языкового сознания, а это, в свою очередь, позволяет интерпретировать адыгство как сложное этноментальное концептуальное образование с ярко выраженными доминантными признаками.

Примечания:

1. Намитоков Ю.К. Адыгейская народная педагогика о воспитании детей: сб. ст. каф. педагогики и психологии Адыгейского пединститута. Майкоп, 1957.
2. Гаджиев К.С. Этнонациональная и геополитическая идентичность Кавказа // Мировая экономика и международные отношения. М., 2010. № 2. С. 66-74.
3. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 240 с.
4. Шадже А.Ю. Феномен кавказской идентичности // Очерки кавказской культуры / под ред. А.В. Дмитриева. Майкоп: Изд-во АГУ, 2001. С. 128-145.
5. Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. Нальчик: ЭЛЬ-ФА, 1999. 96 с.
6. Шадже А.Ю. Национальные ценности и человек: (Социально-философский аспект). Майкоп: Изд-во АГУ, 1996. 168 с.
7. Ахиджакова М.П. Когнитивная структура адыгства в ментальном языковом пространстве А. Евтыха: лингвокультурологический аспект // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2012. Вып. 2 (99). С. 154-160.
8. Ханыху Р.А. Традиционная культура Северного Кавказа: вызовы времени (социально-философский анализ). Майкоп, 1997. 194 с.
9. Немченко Г.Л. Счастливая черкесска. Владикавказ: Ир, 2008. 208 с.
10. Немченко Г.Л. Вольный горец. Повести и рассказы. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2010. 440 с.
11. Немченко Г.Л. Газыри. Рассказы. Майкоп, 2006. 384 с.

References:

1. Namitokov Yu.K. Adyghe folk pedagogy on the upbringing of children: coll. of art. of the Department of Pedagogy and Psychology of the Adyghe Pedagogical Institute. Maikop, 1957.
2. Gadzhiev K.S. Ethnonational and geopolitical identity of the Caucasus // World Economy and International Relations. M., 2010. No. 2. P. 66-74.

3. Kolesov V.V. Language and mentality. SPb.: Petersburg Oriental Studies, 2004. 240 pp.
4. Shadzhe A.Yu. The phenomenon of the Caucasian identity // Essays on the Caucasian culture / ed. by A.V. Dmitriev. Maikop: ASU Publishing house, 2001. P. 128-145.
5. Bgazhnokov B.Kh. The Adyghe ethics. Nalchik: EL-FA, 1999. 96 pp.
6. Shadzhe A. Yu. National values and people: (a socio-philosophical aspect). Maikop: ASU Publishing house, 1996. 168 pp.
7. Akhidzhakova M.P. Cognitive structure of a system of historically developed spiritual and moral spheres of thinking and behavior of the Adyghes
8. in A.Evtykh's mental language space: linguistic and cultural aspect // Bulletin of Adyghe State University. Ser. Philology and the Arts. Maikop, 2012. Iss. 2 (99). P. 154-160.